

«ЭФФЕКТ СОСЕДСТВА» И МОТИВЫ КИТАЙСКИХ ИНВЕСТОРОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ***Вячеслав Николаевич ОВЧИННИКОВ**аспирант кафедры мировой экономики и региональных рынков,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация
robinzara@mail.ru**История статьи:**Принята 20.12.2016
Принята в доработанном
виде 12.01.2017
Одобрена 26.01.2017
Доступна онлайн 27.02.2017УДК 332.146
JEL: R11, R58**Аннотация****Предмет.** В условиях острого дефицита собственных источников финансирования экономического роста развивающиеся страны, как правило, привлекают средства из-за рубежа в форме прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Учитывая тот факт, что Российская Федерация не является исключением, представляется необходимым исследовать модели взаимодействия регионов РФ с некоторыми инвестиционными партнерами. Продолжительное санкционное противостояние России со странами Запада, находящее свое воплощение в торгово-инвестиционной сфере, способствует формированию и укреплению юго-восточного вектора инвестиционного сотрудничества как дополнительного, но не альтернативного, канала привлечения ПИИ. Такого рода кооперация позволит России решить проблему пространственных и отраслевых диспропорций в распределении ПИИ. В связи с этим исследование предполагает выявление предпосылок и результатов присутствия инвесторов из Китая в субъектах РФ.**Методология.** В настоящей работе была построена многофакторная регрессионная модель (*pooled regression*) за 2010–2013 гг., раскрывающая мотивы китайских инвесторов при реализации ПИИ в регионах РФ. Абстрагирование от панельной структуры данных и использование, таким образом, объединенной регрессии было связано с несбалансированностью панели за исследуемый период и результатами эконометрических тестов.**Результаты.** Полученные научные результаты определяют дальнейший вектор исследовательских изысканий в части анализа и моделирования подходов отдельных стран/группы стран при осуществлении ПИИ в субъектах РФ, что даст основания для проведения взвешенной региональной инвестиционной политики.**Выводы.** Инвесторы из Китая ищут сырьевые товары в близлежащих к Пекину регионах России, не обладающих при этом выраженной ресурсной базой.**Ключевые слова:** прямые иностранные инвестиции, регионы России, эконометрическая модель, «эффект соседства»

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Обзор литературы

С известной степенью условности, направления научных исследований, посвященных проблематике привлечения ПИИ в регионы России, можно разделить как минимум на три укрупненные группы.

1. Исследование общих и частных тенденций привлечения ПИИ в экономику регионов РФ.

Ученые А.П. Захарова, Е.Б. Олейник проанализировали абсолютные и

относительные показатели динамики иностранных инвестиций по основным странам-инвесторам и по преимущественным направлениям экономической деятельности в период с 1999 г. по 2011 г.¹ Проблематика региональной неоднородности инвестиционного пространства РФ, а также сравнительная пространственная дифференциация регионов РФ и провинций Китая в распределении ПИИ на базе построения индекса Герфиндаля-Гиршмана, в частности, обсуждаются в трудах Х.Х. Валиуллина и Э.Р. Шакировой [1, 2]. В некоторых работах затрагивается более

* Автор выражает благодарность и глубокую признательность доктору экономических наук, профессору, заведующему кафедрой мировой экономики и региональных рынков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Марии Лавровне ГОРБУНОВОЙ за советы и ценные замечания при работе над данной статьей.

¹ Захарова А.П., Олейник Е.Б. Анализ сдвигов в структуре иностранных инвестиций, поступивших в экономику Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 20. С. 9–15.

частная предметность, а именно – описываются стратегии отдельных регионов России в части совершенствования инвестиционного климата и повышения конкурентоспособности отраслей региональной экономики как необходимого базиса, служащего целям интенсификации потока ПИИ в субъект РФ [3, 4].

2. Моделирование оценки вклада ПИИ в экономический рост и развитие регионов России.

Перспектива привлечения ПИИ в региональную экономику активно обсуждается в отечественной литературе. Причем, теоретическая аргументация сводится, как правило, к тому, что ПИИ способствуют: технологическому обновлению основных производственных фондов отечественных предприятий; созданию дополнительных рабочих мест; росту уровня доходов занятого населения в местах размещения иностранного капитала; трансферту новых технологий и алгоритмов современного менеджмента [5]. Однако эконометрические расчеты, проведенные Л.М. Капустиной, Л. Липковой и О.Д. Фальченко по Свердловской области и РФ в целом, доказывают гипотезу о слабом влиянии ПИИ на темпы экономического роста обозначенных территорий, при этом отводится особая значимость такому фактору, как инвестиции в основной капитал [6].

Иностранные специалисты, руководствуясь результатами эмпирических изысканий, концентрируют внимание на роли так называемых абсорбирующих возможностей территориальной экономики (обычно страны), способных повысить или свести к минимуму степень позитивного воздействия ПИИ. К примеру, в работах Е. Боренштейна, утверждается, что положительный эффект локализации ПИИ зависит от самой способности территории перенимать новые производственные технологии, а последнее во многом детерминировано степенью квалифицированности ее трудовых ресурсов [7]. Л. Альфаро приводит убедительные доказательства того, что ПИИ поддерживают экономический рост территории-реципиента

лишь в случае определенной развитости локального финансового рынка. Для восприятия всей полноты позитивных экстерналий, связанных, к примеру, с трансфертом технологических ноу-хау, отечественным компаниям необходимо провести масштабную реструктуризацию своего производственного и непроизводственного комплексов, что требует обращения к местным кредитным институтам [8].

3. Анализ факторов, обуславливающих приток ПИИ в российские регионы.

Одной из первых попыток статистической оценки факторов привлечения ПИИ в регионы РФ является исследование Д.В. Нестеровой и О.С. Мариева. Исходя из результатов моделирования, авторы заключают, что ключевыми детерминантами потоков ПИИ за 1997–2003 гг. стали такие переменные, как ВРП, уровень развития инфраструктуры и региональная экономическая политика [9]. К аналогичным результатам пришли Я.М. Решетова, Д.Е. Шилков и И.С. Шорохова, дополняя эконометрическую модель такими положительно коррелирующими с инвестициями переменными, как доля населения, получившего высшее образование и инновационная активность².

Если обратиться к исследованиям зарубежных ученых, попытавшихся эконометрически раскрыть общую мотивацию иностранных инвесторов к размещению своего капитала в форме ПИИ в регионах РФ, можно прийти к довольно противоречивым выводам. В работе И. Ивасаки и К. Суганумы отрицается гипотеза, что крупнейшими инвестиционными партнерами регионов РФ являются страны, находящиеся в непосредственной близости от их административного центра. При этом ключевая роль отводится таким экзогенным переменным, как обеспеченность региона сырьевыми товарами и размеры потребительского рынка [10]. В то же время

² Решетова Я.М., Шилков Д.Е., Шорохова И.С.

Эконометрическая оценка и стимулирование факторов привлечения прямых иностранных инвестиций в Уральский федеральный округ // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 2. С. 39–45.

путем эконометрического моделирования Т. Бучеллато и Ф. Сантанджело приводят доводы в пользу статистической значимости объясняющей переменной – расстояние, однако не находят положительной корреляции между объемами ПИИ в регион и размерами его потребительского рынка, а также обеспеченностью углеводородами [11].

Представляется, что подобного рода противоречия могут быть следствием отсутствия единой модели осуществления ПИИ на региональном или мезоуровне, что требует построения страновых/межстрановых факторных моделей присутствия иностранных инвесторов на территории РФ. О справедливости данного заключения свидетельствует и широкий спектр динамических теорий ПИИ. В частности, в научной концепции А.В. Кузнецова дается определение «иерархически-волновой диффузии ПИИ», предполагающей, что иностранные инвесторы в качестве мест размещения своего капитала в первую очередь предпочитают столичные регионы, а затем движутся на периферию, осваивая второстепенные, соседние инвестиционные рынки. Однако им же приводится и искажающий элемент иерархически-волновой диффузии ПИИ, а именно «эффект соседства», восходящий к идеям представителей Упсальской научной школы [12]. Последние полагали, что страны могут притягивать к себе ПИИ, руководствуясь первенством географического фактора, что подразумевает не только реальную близость страны – донора ПИИ и принимающего региона, но и отсутствие языковых барьеров, наличие исторических связей, устойчивых трансграничных предпринимательских контактов между страной базирования и принимающим регионом, сходство характеристик спроса, наличие большой информации о ведении бизнеса в принимающем регионе, сходную правовую среду, экономию на транспортных издержках [13].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что каждая страна/группа стран потенциально может обладать собственной, уникальной моделью реализации инвестиционных решений за рубежом, выбирая, к примеру,

между первоначальным освоением столичных регионов (иерархически-волновая диффузия ПИИ) или близлежащих к стране – донору ПИИ регионов страны-реципиента («эффект соседства»).

Анализируя исследования, затрагивающие проблематику китайского стратегического курса при выборе стран-реципиентов ПИИ, если последний вообще существует, можно обнаружить его разнонаправленность, определяемую прежде всего целями обеспечения роста и развития экономики КНР. Так, по мнению Ю. Хуанга и Б. Ванга, существует определенная специфика финансирования ПИИ Китаем в странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), так называемых развитых странах и развивающихся странах, только претендующих на членство в ОЭСР. Например, в первой группе стран китайские инвестиции притягиваются развитым сектором услуг, а во второй – минеральными ресурсами [14]. Состоятельность данного утверждения подчеркивается и отечественными учеными. Так, в работе Д.А. Изотова приводится описание ключевых инвестиционных проектов, реализуемых в рамках «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.». А также указывается на несбалансированность интересов российских и китайских партнеров, в частности, для китайской стороны интерес представляет географическая диверсификация поставок сырьевых товаров и сбыт готовой продукции на российском рынке, для российской – глубокая переработка сырья на территории восточных регионов России [15]. Ученым М.В. Потапенко исследовался растущий интерес со стороны КНР к африканским регионам в контексте потенциальных рисков такого рода инвестиционного сотрудничества для России. Географическая структура ПИИ Китая в Африку отличается его повышенным вниманием к странам, богатым природными ресурсами (Нигерия, ЮАР и Судан). В отдельных случаях речь идет о таких условиях сотрудничества, как

«инфраструктура в обмен на ресурсы». Таким образом, Китай решает, с одной стороны, задачу выхода своих государственных и частных компаний на развивающийся рынок Африки и загрузки их производственных мощностей, с другой стороны, в качестве платы имеет бесперебойные поставки сырьевых товаров для целей развития своей быстрорастущей экономики [16].

Материалы и методы исследования

Цифровым обеспечением исследования послужила макроэкономическая статистика Банка России, а также данные Росстата и ЕМИСС за 2010–2013 гг. Таким образом, была получена выборка размерностью в сто четыре наблюдения ($n = 104$).

Проведенный анализ степени изученности научной проблемы позволил сформулировать следующие гипотезы:

- гравитационная гипотеза, где в качестве детерминант притока ПИИ (объем ПИИ на душу населения из Китая – $FDI_{per\ capita}$) из Китая оценивались валовой региональный продукт на душу населения (ВРП) ($GRP_{per\ capita}$) и расстояние от столицы региона РФ до Пекина (Dis);
- гипотеза ориентации на ресурсную базу региона, где в качестве экзогенной переменной рассчитывался индекс сравнительных преимуществ субъекта РФ по продукции добывающей промышленности и металлам (RCA).

Все переменные модели были взяты в логарифмической форме. Оценки коэффициентов регрессии были получены объединенным методом наименьших квадратов (pooled regression) с поправкой на гетероскедастичность.

Выбор в пользу объединенной регрессии и отказ от учета панельной структуры данных был связан, с одной стороны, с несбалансированностью панели, с другой стороны, с результатами F -теста ($F(15, 50) = 1,781$; $p < 0,07$) и величиной статистики Бриша-Пэгона ($LM = 1,098$; $p < 0,3$), отражающими адекватность

использования объединенной модели взамен моделей с фиксированными и случайными эффектами.

В итоге оценивалось регрессионное уравнение вида:

$$\ln FDI_{per\ capita} = \alpha + \beta_1 \ln GRP_{per\ capita} + \beta_2 \ln Dis + \beta_3 \ln RCA.$$

Результаты, их обсуждение

Для целей избегания мультиколлинеарности переменная $GRP_{per\ capita}$, наиболее слабо коррелирующая с переменной $FDI_{per\ capita}$, была в дальнейшем удалена из эконометрического анализа (табл. 1).

Обсуждая полученные знаки перед коэффициентами регрессоров, можно прийти к выводу, что отрицательный знак перед переменной Dis вполне укладывается в экономическую логику гравитационного подхода, согласно которому близлежащие регионы РФ оказываются наиболее притягательными для китайского инвестора. Последний тезис фактически указывает на доминанту «эффекта соседства» применительно к модели ПИИ из Китая. Далее можно столкнуться с известным противоречием, а именно с противоположной по направлению связью между душевыми инвестициями ($FDI_{per\ capita}$) и обеспеченностью региона сырьем и металлами (RCA). Иначе говоря, чем выше индекс сравнительных преимуществ региона РФ по сырью и металлам, тем меньший объем ПИИ на душу населения из Китая он получает. При первом приближении представляется, что обозначенное противоречие связано с упущениями или ошибками в экспериментаторской части исследования. Однако анализируя межсекторальную структуру ПИИ из Китая в регионы России, а также принимая во внимание рассчитанный А. Новопашиной индекс отраслевой локализации китайских инвестиций в регионах РФ, мы можем пронаблюдать их выраженную ресурсную направленность [17].

В результате, в качестве обобщения сказанного, можно говорить о том, что китайский инвестор ищет сырье в

близлежащих регионах РФ, не обладающих с позиции расчета индекса сравнительных преимуществ по сырью и металлам выраженной ресурсной базой. Казалось бы, что заставляет рациональных китайских инвесторов, руководствующихся в своих действиях целью максимизации прибыли, прибегать к столь неадекватному подходу при размещении капитала в виде ПИИ? Справедливо было бы предположить, что инвесторы из Китая не могут попасть на высокоприбыльные рынки ресурсных регионов страны по объективным

экономическим и политическим причинам. С одной стороны, РФ не готова утратить суверенитет в отношении контроля над стратегически важными для развития страны ресурсами, локализованными в отдельных регионах России. С другой стороны, конкуренция со стороны западных инвесторов, зашедших на рынки ресурсных регионов страны в 1990-е гг., заставляет китайских хозяйствующих субъектов выбирать для своих ПИИ другие места локализации, не изменяя при этом своей стратегической цели.

Таблица 1

Результаты многофакторного регрессионного анализа переменных, влияющих на душевые потоки ПИИ из Китая в регионы России

Table 1

Results of multivariate regression analysis of variables influencing the FDI flows per capita from China to Russian regions

Переменная	Коэффициент регрессии	Стандартная ошибка	t-статистика
Константа (<i>a</i>)	33,314	4,898	6,802*
Логарифм расстояния от столицы региона РФ до Пекина (<i>ln Dis</i>)	–3,957	0,618	–6,399*
Логарифм индекса сравнительных преимуществ региона РФ по сырью и металлам (<i>ln RCA</i>)	–0,243	0,081	–3,014*

Примечание. Переменная «объем ПИИ на душу населения из Китая» пересчитывалась в рубли по среднему номинальному курсу доллара США к рублю за год ЦБ РФ, все анализируемые переменные предварительно были дефлированы к 2010 г. с помощью индекса-дефлятора ВВП.

* – коэффициент значим при $p < 0,01$; Нормированный R^2 – 0,401.

Источник: рассчитано автором на основании макроэкономической статистики Банка России, Единой межведомственной информационно-статистической системы, данных Росстата

Note: The variable *Volume of FDI Per Capita from China* was translated into rubles at the average nominal exchange rate of US dollar to ruble for the year quoted by the Central Bank of the Russian Federation; all analyzed variables were preliminarily deflated to 2010, using the GDP deflator.

* – The coefficient is significant at $p < 0.01$; Normed R^2 – 0.401.

Source: Authoring, based on macroeconomic statistics of the Central Bank of the Russian Federation, Unified Interdepartmental Statistical Information System, and Rosstat data

Список литературы

1. Валиуллин Х.Х., Шакирова Э.Р. Неоднородность инвестиционного пространства России: региональный аспект // Проблемы прогнозирования. 2004. № 1. С. 157–165.
2. Валиуллин Х.Х., Шакирова Э.Р. Иностранные инвестиции в регионы России и Китая // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5. С. 101–116.
3. Гимадиева Л.Ш. Динамика и перспективы использования прямых иностранных инвестиций в экономике региона (на примере Республики Татарстан) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 115. URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/22.pdf>.
4. Шараева Е.О. Возможные меры по улучшению инвестиционного климата в регионах Северо-Кавказского федерального округа // TERRA ECONOMICUS. 2011. Т. 9. № 2-2. С. 195–198.
5. Горностаева Л.А. Привлечение иностранного капитала в период посткризисного восстановления экономики России // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6. С. 63–67.
6. Капустина Л.М., Липкова Л., Фальченко О.Д. Оценка вклада прямых иностранных инвестиций в экономическое развитие Свердловской области и России // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 3. С. 741–754.
7. Borensztein E., De Gregorio J., Lee J-W. How Does Foreign Direct Investment Affect Economic Growth? *Journal of International Economics*, 1998, vol. 45, pp. 115–135.
8. Alfaro L., Chanda A., Sayek S. FDI and Economic Growth: The Role of Local Financial Markets. *Journal of International Economics*, 2004, no. 64, pp. 89–112.
9. Нестерова Д.В., Мариев О.С. Факторы привлечения прямых иностранных инвестиций в российские регионы // Экономика региона. 2005. № 4. С. 57–70.
10. Iwasaki I., Suganuma K. Foreign Direct Investment and Regional Economic Development in Russia: An Econometric Assessment. *Economic Change and Restructuring*, 2015, vol. 48, iss. 3, pp. 209–255.
11. Buccellato T., Santangelo F. Foreign Direct Investments Distribution in the Russian Federation: Do Spatial Effects Matter? Centre for the Study of Economic and Social Change in Europe, *Economics Working Papers*, 2009, no. 99, pp. 1–29.
12. Кузнецов А.В. Прямые иностранные инвестиции: «эффект соседства» // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 9. С. 40–47.
13. Голева Г.А. Теоретико-методологические подходы к исследованию прямых иностранных инвестиций: краткий обзор // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10. № 2-3. С. 13–15.
14. Huang Y., Wang B. Chinese Outward Direct Investment: Is There a China Model? *China and World Economy*, 2011, vol. 19, no. 4, pp. 1–21.
15. Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между Востоком России и Северо-востоком Китая: настоящее и будущее // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 149–176.

16. *Потапенко М.В.* Инвестиции Китая в страны Африки: потенциальные риски для России // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 277.
17. *Novopashina A.* The Effect of the Border on Chinese Direct Investments: Evidence from Russian Border Regions. *Eurasia Border Review*, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 37–56.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

**THE 'NEIGHBORHOOD EFFECT' AND MOTIVES OF CHINESE INVESTORS
FOR FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN RUSSIAN REGIONS****Vyacheslav N. OVCHINNIKOV**National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation
robinzara@mail.ru**Article history:**

Received 20 December 2016

Received in revised form

12 January 2017

Accepted 26 January 2017

Available online

27 February 2017

JEL classification: R11, R58**Keywords:** foreign direct investment, FDI, Russian regions, econometric model, neighborhood effect**Abstract****Importance** Under severe shortage of own sources to finance economic growth, developing countries tend to attract funds from abroad in the form of foreign direct investment (FDI).**Objectives** The study aims to explore models of interaction of Russian regions with certain investment partners, in particular, to identify preconditions and results of presence of investors from China in the subjects of the Russian Federation.**Methods** In the work, I built a multivariate regression model (pooled regression) for 2010–2013 that reflects the motives of Chinese investors for FDI in Russian regions.**Results** Using the econometric methods, the study proves that investors from China are looking for raw commodities in the neighboring to Beijing Russian regions that do not have an intense resource base.**Conclusions** The obtained scientific results define the further vector of research in the analysis and modeling approaches of individual countries or groups of countries to implement FDI in the subjects of the Russian Federation, which will give rise to a balanced and reasonable regional investment policy.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

Acknowledgments

I express my gratitude and deep appreciation to Mariya L. GORBUNOVA, Doctor of Economics, Professor, Head of International Economics and Regional Markets Department of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, for the valuable advice and comments on the article.

References

1. Valiullin Kh.Kh., Shakirova E.R. [Heterogeneity of the investment space of Russia: A regional aspect]. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, 2004, no. 1, pp. 157–165. (In Russ.)
2. Valiullin Kh.Kh., Shakirova E.R. [Foreign investment in the regions of Russia and China]. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, 2004, no. 5, pp. 101–116. (In Russ.)
3. Gimadieva L.Sh. [Trends and prospects for the use of foreign direct investment in the regional economy (the Republic of Tatarstan case)]. *Scientific Journal of KubSAU*, 2016, no. 115. (In Russ.) Available at: <http://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/22.pdf>.
4. Sharaeva E.O. [Possible measures to improve the investment climate in regions of the North Caucasian Federal District]. *TERRA ECONOMICUS*, 2011, vol. 9, no. 2-2, pp. 195–198. (In Russ.)
5. Gornostaeva L.A. [Attracting the foreign capital during the period of post-crisis recovery of the Russian economy]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-Economic Phenomena and Processes*, 2010, no. 6, pp. 63–67. (In Russ.)
6. Kapustina L.M., Lipkova L., Fal'chenko O.D. [Evaluating the contribution of foreign direct investment in the economic development of the Sverdlovsk oblast and Russia]. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, 2016, vol. 12, no. 3, pp. 741–754. (In Russ.)

7. Borensztein E., De Gregorio J., Lee J.-W. How Does Foreign Direct Investment Affect Economic Growth? *Journal of International Economics*, 1998, vol. 45, pp. 115–135.
8. Alfaro L., Chanda A., Sayek S. et al. FDI and Economic Growth: The Role of Local Financial Markets. *Journal of International Economics*, 2004, no. 64, pp. 89–112.
9. Nesterova D.V., Mariev O.S. [Factors of attracting the foreign direct investment to Russian regions]. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, 2005, no. 4, pp. 57–70. (In Russ.)
10. Iwasaki I., Suganuma K. Foreign Direct Investment and Regional Economic Development in Russia: An Econometric Assessment. *Economic Change and Restructuring*, 2015, vol. 48, iss. 3, pp. 209–255.
11. Buccellato T., Santangelo F. Foreign Direct Investments Distribution in the Russian Federation: Do Spatial Effects Matter? Centre for the Study of Economic and Social Change in Europe, *Economics Working Papers*, 2009, no. 99, pp. 1–29.
12. Kuznetsov A.V. [Foreign direct investment: A neighborhood effect]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2008, no. 9, pp. 40–47. (In Russ.)
13. Goleva G.A. [Theoretical and methodological approaches to the study of foreign direct investment: A brief review]. *TERRA ECONOMICUS*, 2012, vol. 10, no. 2-3, pp. 13–15. (In Russ.)
14. Huang Y., Wang B. Chinese Outward Direct Investment: Is There a China Model? *China and World Economy*, 2011, vol. 19, no. 4, pp. 1–21.
15. Izotov D.A. [A program for regional cooperation between the Russian East and the North-East of China: Present and Future]. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2014, no. 2, pp. 149–176. (In Russ.)
16. Potapenko M.V. [China's investment in countries of Africa: Potential risks for Russia]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 1, p. 277. (In Russ.)
17. Novopashina A. The Effect of the Border on Chinese Direct Investments: Evidence from Russian Border Regions. *Eurasia Border Review*, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 37–56.

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.